

УДК 94(47).083

М.В. Грибовский

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ НАДЗОР НАД ПРОФЕССОРАМИ И ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ
РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА***

Рассматривается вопрос политического надзора над представителями университетской профессорско-преподавательской корпорации России на рубеже XIX–XX вв. В рассматриваемый период политический надзор осуществлялся Отдельным корпусом жандармов и охранными отделениями, однако профессура контролировалась и по ведомству Министерства народного просвещения. Основным методом контроля выступал негласный надзор, которому подвергались значительное число «неблагонадежных» профессоров и приват-доцентов.

Ключевые слова: университет, профессура, политические настроения, жандармерия, «охранка».

Рубеж XIX–XX вв. – время бурных общественно-политических процессов в России, время быстрой политизации общества. В условиях политической нестабильности власти пытались контролировать общественное мнение, называемое в ту пору умонастроением.

Университеты, будучи местом концентрации интеллектуальных сил страны, безусловно, оказывали влияние на формировали мировоззрения студентов. Впрочем, идейное влияние профессуры выходило за пределы университетских аудиторий. Занимаясь издательской и просветительской деятельностью, принимая участие в работе органов местного самоуправления, представители преподавательской корпорации транслировали свои общественно-политические взгляды в достаточно широкие слои городского общества. В этих условиях «благонадежность» профессора была чрезвычайно важна для власти. Она была важнее, чем лояльность иных представителей интеллигенции, ведь, казалось, невозможно было допустить вольнодумство в университетах, которые, согласно первой главе первого раздела Устава 1884 г., «состояли под особым покровительством Его Императорского Величества и именовались Императорскими» [1. С. 9.]. Каждый преподаватель, поступивший на службу в университет, давал «Подписку» следующего содержания: «Я, нижеподписавшийся, даю настоящую подписку в том, что не принадлежу ни к каким масонским ложам и дру-

гим тайным обществам, под каким бы они названием ни существовали, и впредь к оным принадлежать не буду» [2. Л. 3]. Под «другими тайными обществами» подразумевались в первую очередь политические организации.

Между тем политические убеждения университетских преподавателей были различными, и, если еще в последние десятилетия XIX в. можно было сохранять политическую нейтральность, то в условиях затянувшейся на два с половиной года первой русской революции произошла зримая идейная поляризация профессорско-преподавательского корпуса. Анализ архивных источников приводит к выводу о расколе Советов университетов на группировки «правых» и «левых». Взгляды и действия последних становились предметом особого контроля со стороны соответствующих органов.

Органы надзора за общественными умонастроениями существовали в Российском государстве издревле. Если в XVII–XVIII вв. в основе их деятельности лежал принцип «Слова и дела государевых», то с начала XIX в. система политического сыска начинает приобретать более институализированные черты. Принципиальным новшеством в деле организации политического сыска было создание корпуса жандармов и III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, существовавшего в 1826–1880 гг. Следующим шагом по реформированию полити-

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ МК-1850.2010.6.

ческой полиции было создание отделений по охране порядка и общественной безопасности (охранные отделения, «охранка»); такие органы начали действовать с 1866 г. В конце XIX – начале XX в. политическая полиция организационно состояла из Отдельного корпуса жандармов, основным звеном структуры которого были губернские управления, и охранных отделений.

Циркуляр Департамента полиции № 5200, изданный 13 августа 1902 г., разграничил компетенцию жандармерии и охранных отделений, закрепив за первой производство дознаний по политическим преступлениям, а за вторыми – оперативно-розыскные мероприятия по преступлениям этого же рода [3. С. 124]. Таким образом, охранные отделения были обязаны снабжать агентурной информацией жандармов, производящих дознание. Впрочем, несмотря на законодательное разграничение, на практике функции двух основных органов политического розыска продолжали дублироваться, а между чинами жандармерии и охраны нередко складывались неприязненные отношения в силу известной конкуренции и нежелания сужать круг своих полномочий. Схожие отношения нередко выстраивались между политической и общей полицией [4. С. 29].

Из методов работы политической полиции, широко применявшихся при осуществлении контроля над подозрительными лицами, в том числе – над профессорами и преподавателями университетов – особое место занимал негласный надзор, организация и осуществление которого регламентировались «Положением о негласном полицейском надзоре» от 1 марта 1882 г. [3. С. 89]. Негласный надзор был мерой превентивной, и § 1 «Положения...» определял его как способ предупреждения государственных преступлений посредством наблюдения за лицами сомнительной благонадежности. Такой надзор учреждался исключительно Департаментом полиции. Способы ведения негласного полицейского надзора определялись по соглашению губернатора или градоначальника с начальником жандармерии. Сведения о поднадзорных доставлялись чинами общей полиции, пунктовыми унтер-офицерами (полицейскими, размещавшимися в специальных наблюдательных пунктах), а также агентами наружного и внутреннего наблюдения и стекались в жандармское управление, где велся учет лиц, подчиненных негласному надзору.

Однако надзор над профессорами и преподавателями российских университетов осуществлялся не только по линии политической полиции. Если проанализировать переписку, отложившуюся в центральных и местных архивах, которая касалась политического надзора над профессорами и преподавателями, то выяснится, что в переписке по данному вопросу состояли самые разные ведомства. Перечень адресатов укладывается в следующую схему: начальник одного охранного отделения – начальник другого охранного отделения; начальник жандармского управления одной губернии – начальник жандармского управления другой губернии; начальник губернского жандармского управления – Департамент полиции МВД; Департамент полиции МВД – губернатор; полицеймейстер – губернатор; министр внутренних дел – министр народного просвещения; министр народного просвещения – попечитель учебного округа; попечитель учебного округа – ректор (и, соответственно, в обратном порядке при ответных посланиях).

Как видно из перечня адресатов, переписку, затрагивавшую вопросы политической благонадежности университетских преподавательских кадров, вели как силовые, так и гражданские ведомства, такая переписка носила как горизонтальный (начальник жандармского управления – начальник жандармского управления), так и вертикальный характер (министр – попечитель).

Нередко министерское (МНП) начальство спускало вниз по управленческой вертикали запрос о том или ином представителе преподавательской корпорации, требуя при этом от подчиненных выполнения чуть ли ни полицейских функций. Так, министр народного просвещения И.Д. Делянов писал в ноябре 1897 г. попечителю Киевского учебного округа В.В. Вельяминову-Зернову: «До сведения моего дошло, что профессор вверенного Вашему Превосходительству университета Орлов будто бы дозволил себе на обеде 8 ноября отзываться в неприличных выражениях об университетском уставе 1884 г., который есть не что иное, как закон, утвержденный Высочайшей властью. Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство собрать негласно сведения о том, что именно и в каких выражениях говорил проф[ессор] Орлов, и сообщить мне эти сведения в возможно непродолжительном времени» [5. Л. 12].

Большинство посланий, по какой бы линии они ни проходили, содержли просьбу сообщить сведения о политической благонадежности того или иного лица. Такие запросы, как правило, начинались с указания на уже известные автору письма компрометирующие сведения, а завершались просьбой уточнить, подтвердить или опровергнуть их и привести новые данные. Контроль осуществлялся, с одной стороны, над профессорами и преподавателями, заведомо (в силу ранее имевшихся сведений) подозреваемыми в «вольномудстве», а с другой, в отношении лиц, поступавших на службу по учебному ведомству по прибытии их из другой губернии.

Приведем несколько примеров.

Начальник Харьковского губернского жандармского управления генерал-майор А.Н. Рыковский писал 18 мая 1912 г. письмо начальнику Томского губернского жандармского управления: «Ввиду избрания юридическим факультетом Харьковского университета на вакантную кафедру финансового права профессора Томского университета доктора политической экономии М.И. Соболева прошу Ваше Высокоблагородие сообщить мне сведения, как о его политическом направлении, так и другие, могущие быть в Вашем распоряжении» [6. Л. 9]. Отвечая на этот запрос, начальник Томского губернского жандармского управления вменил в вину профессору Соболеву участие в предвыборных агитациях в Государственную Думу (М.И. Соболев, действительно избирался выборщиком в 1-ю и 3-ю Государственную Думу [7. С. 241]), то, что он являлся членом редакционного комитета газеты «Сибирская жизнь», «пропустившим к печатанию противоположительного характера статью по поводу смерти покойного Председателя Совета Министров, Статс-секретаря Столыпина» и то, что адреса Соболева неоднократно находились у лиц неблагонадежных в политическом отношении [6. Л. 11 – 11 об.].

Порой архивные данные позволяют проследить целую цепочку переписки между разными ведомствами и должностными лицами по поводу одного университетского профессора. Так, 2 августа 1907 г. Департамент полиции МВД писал казанскому губернатору: «По дошедшим до Министерства внутренних дел сведениям, избранный ныне деканом физико-математического факультета профессор Казанского университета Д.Н. Зейлигер, еврей, принявший православие, принадлежит партии социал-демократов, состоит агентом тай-

ного еврейского общества «Бунда» и является вдохновителем и руководителем всех бойкотов и террора в Казани. Вследствие сего, Департамент Полиции [...] покорнейше просит Ваше Превосходительство уведомить, насколько вышеприведенные указания о Зейлигере представляются справедливыми, и сообщить имеющиеся о названном профессоре сведения» [8. Л. 1]. С аналогичным запросом казанский губернатор обратился к полицеймейстеру, и тот уже 10 августа отвечал губернатору М.В. Стрижевскому: «Профессор казанского университета Д.Н. Зейлигер, человек очень тонкий, выдержанный, всегда и со всеми любезный. Старается каждого расположить к себе, но хитрый и скрытный. Принадлежит ли он к обществу «Бунда», неизвестно и трудно в этом удостовериться, но, что он принадлежит к партии левых, то в этом убеждают все его приемы с учащеюся молодежью студентов Казанского университета за все время с 1905 года. По словам некоторых студентов, не сочувствующих ему, Зейлигер направлял студентов к беспорядкам первоначально открыто на лекциях, потом, с осени 1906 года, более сдержанно, но всегда в такое время и в таких лекциях, где вывод был вызывающим против Правительства. В среде студентов он числится ярким социалистом и умелым вдохновителем» [8. Л. 3–3 об.]. На основании этой информации 19 сентября казанский вице-губернатор (и.о. губернатора) писал в Департамент полиции МВД: «Профессор Императорского Казанского университета Д.Н. Зейлигер известен мне за человека, принадлежащего к крайне левым партиям. Деятельность свою в направлении левых политических партий он особенно заметно обнаружил в 1905 году, когда он открыто при чтении лекций в университете направлял студентов к различным беспорядкам и допускал в своем присутствии сбор денег на явно революционные цели. В настоящее время ввиду изменяющегося настроения в обществе в сторону более умеренных г. Зейлигер стал более осторожным и сдержанным в проведении в среду учащихся своих крайне левых политических воззрений, на самих воззрениях нисколько не изменил и по-прежнему принадлежит к крайним элементам, поддерживая скрытно все революционные партии» [8. Л. 5–5 об.].

Любопытным представляется перечень тех обучающихся университетских профессоров и преподавателей данных, которые встречаются в секретной переписке. Весьма часто встречаются указа-

ния на принадлежность к «Академическому союзу», возникшему в годы первой русской революции и объединявшему уже осенью 1905 г. порядка 1800 преподавателей высшей школы [9. С. 66], издание печатной продукции «противоправительственного характера», участие в собраниях, где «говорились революционные речи и разбрасывались прокламации», произнесение подобных речей, сочувствие студенческому движению, обнаружение адресов преподавателей у арестованных за революционную деятельность лиц. Порой в вину преподавателям ставилось содержание их лекций. «В одной из своих лекций профессор Фирсов, – говорилось в донесении начальника Казанского губернского жандармского управления в Департамент полиции МВД, – характеризуя царя Федора Иоанновича как слабоумного, проводил параллель между ними благополучно Царствующим ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ, отождествляя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО с Царем Федором» [10. Л. 26–26 об.].

Редко, но случались ситуации, когда на запрос по ведомству политической полиции ответ не содержал компрометирующей информации. Например, в 1912 г. уже упоминаемый генерал-майор Рыковский отвечал своему коллеге из Харьковского губернского жандармского управления на его запрос об Н.К. Кульчитском: «Заслуженный профессор доктор медицины статский советник Николай Константинович КУЛЬЧИТСКИЙ принадлежит к числу представителей правой профессуры и является крупной научной силой; в Харькове Кульчитский состоял членом «Русского собрания» и числе других правых профессоров участвовал на их совещаниях, бывших в Петербурге в 1910 году и 16–19 декабря 1911 года и тогда же представлялся ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ» [5. Л. 10].

Особый интерес представляют конфиденциальные документы, в которых концентрированно дается информация по профессорско-преподавательскому корпусу того или иного университета в целом. Так, в июле 1899 г. министр внутренних дел И.Л. Горемыкин направил министру народного просвещения Н.П. Боголепову «список чинов администрации, профессоров и доцентов С.-Петербургского университета с указанием сведений, имеющихся в Министерстве внутренних дел о деятельности названных лиц». В обширном 30-страничным (с оборотами) списке приведены имена 182 человек, на 144 из них порочащих сведений в МВД не нашлось, а 38 профессоров и приват-

доцентов проходили по полицейским документам. Среди приводимых данных были как сравнительно безобидные, такие как: «принимал участие в всеподданнейшей петиции некоторых литераторов об изменении действующих правил о печати» (заслуженный ординарный профессор В.А. Лебедев, профессора П.П. Фан-дер-Флит, Н.П. Вагнер, А.Н. Бекетов, В.Н. Латкин, приват-доценты П.И. Вейнберг, С.К. Булич, В.Г. Яроцкий, М.И. Свешников), «издает с 1898 г. газету «Право»» (приват-доцент В.М. Гессен), «присутствовал в Казанском Соборе на панихиде по окончившей жизнь самоубийством [...] слушательнице Высших женских курсов» (заслуженный ординарный профессор В.И. Ламанский, ординарный профессор Н.И. Кареев, экстраординарные профессора С.Ф. Платонов, Г.В. Форстен и другие), так и гораздо более серьезные. Десятки профессоров и приват-доцентов были уличены политической полицией в связях с арестованными и осужденными революционерами (экстраординарный профессор С.Ф. Ольденбург, приват-доценты Н.М. Книпович, Д.Н. Кудрявский, И.М. Гревс, Д.Д. Гримм, С.А. Венгеров, М.И. Свешников и другие).

В «Списке...» приводятся сведения, начиная со студенческих лет. Так, напротив фамилии приват-доцента А.А. Жижиленко указано: «В бытность студентом находился в сношениях с лицами неблагонадежными и привлекавшимися к дознанию за распространение революционных изданий».

Самые обширные тексты характеризуют ординарного профессора Н.И. Кареева, экстраординарного профессора С.Ф. Ольденбурга, приват-доцента А.А. Исаева. Помимо фактов участия этих лиц в тех или иных сомнительных, с точки зрения власти, мероприятиях и перечисления подозрительных знакомств, в документе изложены когда-то высказанные ими мысли [11. Л. 2–31 об.].

Итак, по упомянутому «Списку...» можно сделать вывод о том, что пятая часть всего профессорско-преподавательского корпуса столичного университета в конце XIX в. находилась в поле зрения политической полиции и причислялась к категории неблагонадежных (в разной степени).

В дополнение к первому списку в декабре того же года И.Л. Горемыкин предоставил Н.П. Боголепову аналогичные сведения по Московскому университету, снабдив их примечанием о том, что «в означенный список включены сведения не только официального, но и совершенно доверительного характера».

Второй список в два раза меньше первого, он содержит 96 персоналий профессоров и приват-доцентов Московского университета, но процент лиц, о которых у Департамента полиции имелись неблагоприятные сведения, здесь был вдвое большим, чем по Санкт-Петербургскому университету, – около 44% (42 человека из 96). Самым распространенным сведением о московских преподавателях было следующее: «Подписался под петицией на имя ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА Московского Генерал-Губернатора о смягчении участи студентов, удаленных из гор[ода] Москвы за принадлежность к земляческим организациям». В «московском» списке наиболее подробная информация содержалась о заслуженном ординарном профессоре В.И. Герье, ординарных профессорах П.Г. Виноградове, И.А. Чупрове, экстраординарных профессорах В.И. Вернадском, Ю.С. Гамбарове.

О профессоре В.О. Ключевском в этом документе было сказано следующее: «В 1887 г. замечен в сношениях с лицами заведомой политической неблагонадежности [...] В ноябре того же (1894. – М.Г.) года ввиду произнесенной им в Историческом Обществе речи в память в Бозе почивающего ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III Ключевский подвергся нападкам некоторой части Московского студенчества и был ими освистан на лекции 30 ноября. Независимо от изложенного названный профессор пользуется значительной популярностью среди неблагонадежных элементов ввиду появившихся в обращении и изданных нелегальным путем лекций его по русской истории тенденциозного характера» [11. Л. 33–50].

Два проанализированных «Списка...» позволяют судить о том, насколько внимательно относились власти к общественно-политической позиции преподавателей высшей школы.

Вместе с тем необходимо отметить, что далеко не всегда даже весьма неблагоприятная информация приводила к неременным карам в отношении скомпрометированного профессора или доцента. Так, в марте 1901 г. профессор Томского университета М.А. Рейснер открыто поддержал студенческую забастовку, после чего ему была предоставлена годичная заграничная командировка, что можно объяснить желанием начальства ослабить его влияние на студенчество, избавившись от беспокойного профессора (впрочем, спустя два года М.А. Рейснер был все-таки уволен из университета без права

преподавания в России) [7. С. 205–206]. Профессор того же университета И.А. Малиновский после осуждения в 1912 г. по 3 и 4 пунктам 129-й статьи Уголовного уложения (возбуждение к неисполнению законов) и амнистии по случаю 300-летия Дома Романовых продолжил академическую карьеру, защитил диссертацию на степень доктора государственного права, стал профессором Варшавского университета [7. С. 162].

В заключение можно сделать следующие выводы: несмотря на то, что полицейские наблюдения, добытые путем негласного надзора, порой выглядели не слишком убедительно, власти, вероятно, не сильно ошибались насчет политических убеждений заметной части университетской преподавательской корпорации. Действительно, на протяжении рассматриваемого периода все большая часть профессоров и преподавателей начинала скептически относиться к существовавшему политическому строю и симпатизировать идее перемен.

Политическая полиция и министерское начальство, фиксируя в бесчисленных донесениях и рапортах эти настроения, не готово было идти на «решительные меры»: даже уличенные в произнесении «противоправительственных речей» и связях с революционерами профессора и приват-доценты, как правило, сохраняли университетскую службу. Сказанное не означает, что власти вовсе не удаляли из высшей школы оппозиционно настроенных ее представителей, имели место и такие примеры. По политическим мотивам были уволены профессор Московского университета М.М. Ковалевский в 1887 г., профессор Томского университета М.А. Рейснер в 1903 г., профессор Казанского университета Н.Н. Фирсов в 1914 г.; однако назвать правительственную политику в отношении нелояльно настроенных к властям преподавателям жестко репрессивной тоже нельзя. Известную мягкость и выжидательную тактику полиции можно объяснить, пожалуй, нежеланием будоражить и без того беспокойную высшую школу и в первую очередь – студенчество, которое с большим трудом (и далеко не всегда) получалось удерживать от участия в антиправительственных выступлениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Общий устав и временный штат Императорских российских университетов, а также расписание должностей и окладов содержания по инспекции в университетах.* СПб., 1884.

2. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 102. Оп. 9. Д. 251.
3. Добряков В.И. Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, относящихся до обязанностей чинов губернских жандармских управлений по наблюдению за местным населением и по производству дознаний. СПб., 1903.
4. Чудакова М.С. Проблемы взаимоотношений общей и политической полиции царской России // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 3.
5. Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИАУ). Ф. 707. Оп. 262 /1897/. Д. 10.
6. ЦГИАУ. Ф. 705. Оп. 1. Д. 895.
7. Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. 1. Томск, 1996.
8. Национальный Архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 1. Оп. 6. Д. 476.
9. Иванов А.Е. Профессорско-преподавательский корпус высшей школы России конца XIX – начала XX века: общественно-политический облик // История СССР. 1990. № 5.
10. НАРТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 501.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 151. Д. 117.